

Глава 28. Поветрие

После праздников ученики один за другим потянулись обратно в обитель, хотя до середины первого месяца двери Павильона Вопросания Дао оставались наглухо закрыты.

Ворота Обители Скопленных облаков с треском распахнулись, впустив внутрь колючий вихрь морозного воздуха и хлопья сухого снега.

— На Хуашани мы долго не задержимся, — Сунь Цинфэн сбросил на пол охапку хвороста и припал к кувшину с горячим чаем.

Цзинь Линьэр подбежал к нему, оттащил дрова к печи и, обхватив покрасневшие ладони названного брата, принялся бережно их растирать.

— Что случилось? — спросил он с тревогой.

— Чжоу Синъюнь заходил. Разве он тебе ничего не сказал?

— Старший брат только спросил, здорова ли наша птица.

Сунь Цинфэн помрачнел.

— Начался мор.

На Хуашани творилось нечто неладное: вся монастырская живность вдруг впала в странную, глубокую спячку. Зимой скотина часто дремлет, в этом нет ничего удивительного, но эти птицы спали круглые сутки напролет, почти не приходя в себя. Ученики поначалу не придали этому значения, а когда спохватились, куры и утки уже превратились в обтянутые кожей скелеты. Некоторые и вовсе уснули навеки, замерзнув в ледяные глыбы. Местные лекари лишь разводили руками, списывая всё на невиданную заразу. Однако мор посреди лютой зимы казался делом из ряда вон выходящим.

Для прочих обитателей горы эта напасть означала лишь скудную трапезу без мяса. Но для Цзинь Линьэра и Сунь Цинфэна она была смертельно опасна — им обоим жизненно необходима была свежая кровь.

— Но почему наша птица здорова? — недоумевал Цзинь Линьэр.

— На всей Хуашани уцелели только птицы в нашей обители.

Цзинь Линьэр поспешил прикрыть поплотнее дверь и лишь тогда заговорил тише:

— Хорошо, что ты купил их внизу втайне от всех. Если бы кто-то прознал, подозрений было бы не избежать.

Сунь Цинфэн покачал головой:

— Нас видели.

— Кто? — испуганно всполошился мальчик.

— Когда я спускался, еще не рассвело. У подножия я наткнулся на Чжоу Синъюня — он вел на гору Чжу Хуаня. И на старшем брате лица не было от злости.

— Верно, Чжу Хуань опять выкинул какую-то глупость, и старший брат его поймал, — предположил Цзинь Линьэр. — Впрочем, старший брат и так считает нас демонами. Он ведь доложил обо всем Главе школы, но продолжает оберегать нас.

— Ты и правда в это веришь? — прищурился Сунь Цинфэн.

— А как иначе?

— Чжоу Синъюнь ни разу не пытался обучить тебя внутренней силе. Ты не задумывался, почему?

Цзинь Линьэр надолго задумался, сопоставляя факты.

— Старший брат всегда дотошен в мелочах. Захоти он учить меня, первым делом спросил бы, к какой секте я хочу примкнуть — Секте Меча или Секте Ци. Но он молчал. Должно быть, он давно раскусил, кто мы такие, и понял, что мне чужая наука ни к чему. А назвав нас демонами перед дедушкой, он просто избавил нас от лишних расспросов.

— В порядочности Чжоу Синъюня я не сомневаюсь, — глухо отозвался Сунь Цинфэн. — Но его могли использовать вслепую.

— Чжу Хуань знает, что я пью кровь. Наверняка это его рук дело!

— Чжу Хуань — соплик неразумный, — отрезал Сунь Цинфэн. — Вспомни, как легко ты обвел его вокруг пальца. Мало того что боец из него никудышный, так еще и умом обделен. То, что он прознал про кровь — чистая случайность. Захоти он известить тебя, проще было бы через отца натравить Цзияосы. Наслать мор на всю гору ему не под силу.

Цзинь Линьэр зашагал по комнате из угла в угол, насупившись.

— Твоя правда... О тайне, помимо дедушки, знал только старший брат. Значит, где-то произошла утечка. Но как? Что же стряслось?

— Ты ведь души в нем не чаял, — заметил Сунь Цинфэн.

— Я только тебя люблю, — не задумываясь, выпалил Цзинь Линьэр. И, заметив, как замер Сунь Цинфэн, торопливо сменил тему, пока тот снова не сослался на забывчивость: — Хоть старший брат и золотой человек, твои опасения не беспочвенны. Может, когда он докладывал Главе школы, их подслушали? Или он решил, что безопасность школы превыше всего, и сообщил властям? Дьявольский культ у всех на слуху, подставлять Хуашань он бы не стал.

— Но если бы про нас прознал двор, к чему эти тонкие игры с мором? Зачем лишать нас крови исподтишка? — Он вздохнул, понимая, что его доводы шиты белыми нитками. — Чтобы выгнать наружу?

— Будь это ищейки императора, они бы не стали возиться с отравой, — хмуро бросил Сунь Цинфэн.

— Тогда, может, кто-то до смерти боится демонов и хочет выкурить нас отсюда? Или... кто-то метит на Золотую печать и ждет, пока мы обессилим без подпитки?

— Простые смертные о тайнах Золотой печати и слыхом не слыхивали.

Цзинь Линьэр так и подпрыгнул на месте:

— А если это кто-то из старейшин Хуашани?

— Вполне возможно, — кивнул тот.

— Тайное искусство Золотой печати уходит корнями в глубокую древность, его передавали из поколения в поколение двести лет. Даже если на свете и сыщется гений, доживший до ста лет, ему вовек не скопить столь чудовищную внутреннюю силу. Все эти великие мастера либо одержимы гордыней, либо жаждут бессмертия. Разве устоит хоть один перед таким искушением?

— Глава Альянса и та старая монахиня Сюаньбэй из Эмэй тоже в курсе. Могли шепнуть паре близких друзей. Кто знает...

— Голова пухнет, ну его, — отмахнулся Линьэр. — Какое счастье, что ты у меня такой дальновидный, братец! Заранее птицей обзавелся. Иначе в эти холода мы бы ни за что не сыскали свежей крови.

— Поначалу я грешил на Ху Цзю, — задумчиво произнес Сунь Цинфэн. — Но, во-первых, срок уговора еще не подошел. А во-вторых, будь ему нужна печать, он бы не стал городить этот огород.

Они переглянулись, соображая, что блуждают в трех соснах. Сунь Цинфэн махнул рукой:

— Ладно, пустое. Пока дело имеем с людьми, сладим как-нибудь.

Цзинь Линьэр попытался было просить помощи у дедушки. Но Сюэ Чжэнъян, навестивший внука в новогоднюю ночь и убедившийся, что с тем всё в порядке, снова ушел в затвор. Сейчас его медитация достигла решающего рубежа, и он строго-настрого запретил Чжоу Синъюню беспокоить его.

Видя, как изводится младший брат, Чжоу Синъюнь попытался пройти к наставнику силой, но наткнулся на невидимую преграду. Из глубины пещеры вырвалась волна удушающей лазурной энергии. Этот мощный удар чистой Ци мгновенно отбросил Чжоу Синъюня прочь.

К счастью, тот не пострадал, однако Цзинь Линьэр не посмел более испытывать судьбу. Схватив старшего брата за руку, он увел его подальше от затвора.

Всего в их обители росло десятков четыре кур и уток. Крупные птицы весили фунта по три-четыре, с каждой выходило по доброй пиале крови. Этого запаса Линьэру должно было хватить до самой летней жары. Вот только если вся Хуашань вымрет от мора, а Обитель Скопленных облаков останется нетронутой, это неизбежно привлечет внимание.

Сунь Цинфэну пришлось действовать без промедления.

Завершив вечернее чтение сутр, Цзинь Линьэр возвращался в пещеру. Еще издали до него донесся густой, тяжелый запах свежей крови. Шагнув за порог, он застыл: Сунь Цинфэн устроил настоящую бойню.

— Братец, тебя что, утки обидели? — удивленно вытаращился мальчик. — Ну не сердись ты так на них.

Сунь Цинфэн стоял, с ног до головы облепленный пухом. Выплюнув прилипшее к губе перо, он зыркнул на него чернее тучи:

— Я сейчас тебя самого пришибу, паршивец!

В этот момент недорезанный петух с отчаянным кудахтаньем взмыл под самый потолок, хлопая крыльями.

Цзинь Линьэр мгновенно вскинул руку, согнув пальцы когтем. С его ладони сорвалась струя тускло-золотой энергии Ци, на лету сбив несчастную птицу. Бедолага камнем рухнула вниз, потеряв сознание.

— Братец меня ни за что не ударит, разве что слегка шлепнет для остротки, — хихикнул Линьэр. Он ловким движением притянул тушку к себе по воздуху, перехватил за лапы и с гордым видом протянул Сунь Цинфэну: — Ну как тебе мой «Орел, бьющий в поднебесье»?

Сунь Цинфэн забрал птицу и одним скупым взмахом перерезал ей горло.

— Сойдет. Живо тащи сюда пустые кувшины из-под вина.

— Зачем нам столько возиться? — не понял мальчик.

— Если не хочешь, чтобы нас вышвырнули с Хуашани, изволь пошевеливаться.

— Я просто подумал... Если уж придется бежать, надо хотя бы попрощаться с Главой школы. Не хочу, чтобы он думал, будто мы натворили дел и дали стрекача. Но он ведь всё поймет. Может, не стоит рисковать и пора уходить?

— Пока мы не совершим ошибку, никто к нам не подкопается. Сколько можно бегать? Хватит с тебя скитаний. Я больше не допущу, чтобы ты бродяжничал.

— Угу, — тихо отозвался растроганный Линьэр. Всякая охота болтать у него пропала, и он послушно побрел в дом собирать кувшины.

Они провозились до глубокой ночи. Перерезали горло каждой птице, сцедили кровь до последней капли и разлили по узким глиняным кувшинам, плотно закупорив. Запечатанные сосуды закопали у подножия водопада, где земля никогда не оттаивала. В этом ледяном тайнике, обдуваемом всеми ветрами, кровь могла храниться месяцами, не теряя свежести.

Минуло пять лет с тех пор, как он впервые попробовал кровь, но привыкнуть к этому отвратительному вкусу Цзинь Линьэр так и не смог. Каждый раз он зажимал нос, судорожно сглатывал теплую жижу, а после долго сидел, зажав рот ладонями, чтобы не выплеснуть всё обратно. Видеть его мучения было невыносимо, поэтому он всегда старался пить кровь тайком, когда Сунь Цинфэн не видел.

В такие минуты его терзали сомнения. Он казался себе диким зверем, заживо увязающим в зловонной трясине. Но стоило вспомнить, какие муки причиняет Сунь Цинфэну терзающая его призрачная злоба, стоило подумать о тяжком бремени пяти поколений Хранителей печати рода Чжао, как всякая слабость испарялась, уступая место решимости.

Его разрывало надвое. С одной стороны, он жаждал встречи с Ху Цзю, чтобы раз и навсегда

покончить с этим проклятием. С другой — до ужаса боялся разлуки с Сунь Цинфэном. Рядом с любимым человеком годы пролетали как одно мгновение. Ему казалось, что время безжалостно ускользает сквозь пальцы.

Зима сменилась весной, но мор на Хуашани так и не утих. Спрятанные под землей запасы понемногу портились.

Закрывая глаза и зажимая нос, Линьэр давился застоявшейся, пахнувшей тинной жижей. Каждый глоток давался с боем. Осушив чашу, он без сил валился на лавку, мокрый от испарины. Лицо его становилось мертвенно-бледным, а губы, напротив, горели зловещим алым цветом. В такие минуты он походил на утопленника, только что выбравшегося из речного омута.

Сунь Цинфэн однажды подглядел за ним, и сердце его сжалось от боли. Было ясно: долго так продолжаться не может.

Обладая великой силой Золотой печати, Линьэр все же оставался обычным ребенком. И если от парной крови его просто воротило, то гнилая застоявшаяся жижа окончательно подкосила его здоровье. Вскоре мальчик слег в беспамятстве.

Сунь Цинфэн не смел обратиться к монастырским лекарям, опасаясь разоблачения. Поколебавшись, он решил довериться Чжоу Синъюню.

С самого начала эпидемии Чжоу Синъюнь ежедневно обходил пещеры и кельи Западного пика, раздавая снадобья и окуривая помещения. Опасаясь, что кто-то прознает о тайне «братьев Сюэ», Обитель Скопленных облаков он всегда осматривал лично, никого туда не допуская, хотя сам наверх старался не подниматься без нужды.

Выслушав сбивчивый рассказ Сунь Цинфэна, Чжоу Синъюнь бросил все дела, подхватил лекарский ларец и поспешил на кручу. Немного смысла в медицине, он осмотрел больного и пришел к выводу, что тот просто отравился несвежей пищей. Выписав рецепт, он велел Сунь Цинфэну не отходить от постели, а сам стремительно спустился вниз, чтобы лично приготовить отвар.

Когда снадобье было готово, Сунь Цинфэн низко поклонился Чжоу Синъюню в знак признательности. Тот смутился от такого почтения и поспешил удержать его за плечи. В глазах старшего брата сквозила глубокая тревога:

— Няньлан... то, что он пьет... то есть ест... Хранится в нечистоте. Так долго он не протянет.

Сунь Цинфэн понял намек. Однако развивать эту тему он не собирался. Сделав шаг назад, он вежливо, но твердо отстранился:

— Благодарю за совет. Впредь я буду внимательнее.

Поняв, что разговор окончен, Чжоу Синъюнь не стал навязываться. Он тихо попрощался и ушел, оставив после себя тепло и легкий, едва уловимый аромат амбры и лечебных трав.

Проглотив горькое питье, Линьэр забылся глубоким сном на целые сутки. Открыв глаза на следующее утро, он первым делом увидел Сунь Цинфэна, который молча сидел у постели и строгал бамбуковую палочку.

В голове еще шумело. Мальчик слабо улыбнулся:

— Братец... ты что, бамбуковые побеги выкапываешь?

Раздался сухой треск: тонкая трость в сильных пальцах Сунь Цинфэна переломилась пополам.

— Я сейчас тебя самого в землю закопаю, олух!

С напускной суровостью Сунь Цинфэн потянулся за новой заготовкой, украдкой наблюдая за его движениями.

— У Чжоу Синъюня легкая рука. Как себя чувствуешь? — спросил он, аккуратно срезая лишние волокна.

— Да отлично всё! Словно и не болел вовсе, — храбро заявил Линьэр и попытался лихо соскочить с кровати. Но пустой желудок дал о себе знать: ноги подогнулись, и он мешком полетел на пол.

К счастью, Сунь Цинфэн успел перехватить его на лету. Прижав к себе, он проворчал:

— Тюфяк недоделанный.

Линьэр лишь довольно зажмурился и теснее прижался к его широкой груди. Нащупав его ладони, он принялся их растирать, но тут же испуганно замер. Пальцы Сунь Цинфэна были ледяными, покрытыми мелкими занозами и порезами.

— Что ты делаешь? — спросил он с тревогой.

— Бамбук строгаю, — буркнул Сунь Цинфэн. Он усадил мальчика обратно на постель, устроив у себя под боком.

— Тебе холодно? Брось ты это дело. Давай лучше просто посидим так весь день, — тихо прошептал Линьэр, утыкаясь ему в плечо.

— Если мы весь день пролежим, кто обед сварит? Помрешь с голоду, а мне потом отвечать? — ворчал Сунь Цинфэн, хотя при виде бледного, исхудавшего лица мальчика у него заныло в груди. Он накинул на его плечи теплую шубу, хорошенько подоткнул края и, обняв Линьэра со спины, вернулся к прерванной работе.

Острое лезвие с тихим шорохом снимало тонкую стружку. В комнате пахло свежим деревом и горьковатой бамбуковой смолой. Видеть Линьэра таким тихим и смирным было непривычно. Чтобы отвлечь его, Сунь Цинфэн первым нарушил молчание:

— Твой старший брат... Редкой души человек. Таких сейчас мало.

Линьэр удивленно вскинул голову:

— Он тебе нравится?

— Глупости не выдумывай, — отрезал Сунь Цинфэн, и очередная заготовка хрустнула в его руках.

— Если бы он тебе не нравился, ты бы не побежал к нему за помощью, — резонно возразил Линьэр. — Чего тут стыдиться? Я ведь тоже люблю и тебя, и старшего брата. Нельзя сказать, кого сильнее — чувства ведь не взвесишь на весах. Но моя любовь к тебе... Она совсем другая. Не такая, как к брату или кому-то еще.

Сунь Цинфэн тщательно зачистил древко, сделав его тонким, как мизинец, взял со стола стальной наконечник и плотно насадил его на бамбук. Он едва заметно улыбнулся, но тут же скрыл это за сухим смешком:

— Языком молоть ты горазд с самого детства, тут тебе равных нет. Направил бы это рвение на тренировки — давно бы стал мастером.

— И вовсе это не лесть, — надулся Линьэр. Он всегда говорил лишь то, что лежало на сердце. Его единственным талантом, увы, была безграничная преданность Сунь Цинфэну. Он жил лишь ради того, чтобы этот угрюмый великан хоть изредка улыбался. От этой мысли на душе у него потеплело, и он невольно улыбнулся.

Чтобы скрыть свою глупую улыбку, он поспешно воскликнул:

— Так ты делаешь стрелы!

— Без мяса совсем отощал, — проворчал Сунь Цинфэн.

— Ой, ты пойдешь на охоту? Возьми меня с со...

— Сиди дома и вари кашу. И чтобы вода хорошенько прокипела, — Сунь Цинфэн уложил Линьэра обратно под одеяло, не позволяя дергаться. Собрав готовые стрелы в колчан, он закинул за плечо лук и бесшумно выскользнул за дверь.

Заглянув в ларь с крупой, Линьэр обнаружил, что старый затхлый рис заменен свежим, отборным.

Он сварил густую кашу, приготовил легкую похлебку и аккуратно расставил посуду на столе, ожидая возвращения охотника. Слабость после болезни всё еще давала о себе знать. Пригревшись на солнышке у окна, он подпер щеку рукой и сам не заметил, как задремал.

Очнулся он от тихого шороха: у самого его носа стайка бойких воробьев клевала крошки на подоконнике. Насыпав им горсть зерна, Линьэр глянул во двор. На сочной весенней траве уже лежали лук и пустой колчан, но самого Сунь Цинфэна нигде не было видно. Он выбежал на порог, окликая брата, но ответом ему был лишь шелест листвы.

Весенний ветерок принес дыхание пробуждающегося леса. В кронах деревьев весело гомонили вернувшиеся с юга птицы. Линьэр интуитивно поднял голову и замер. Сунь Цинфэн, точно дикий лесной дух, сидел на толстом суку вековой сосны, росшей у самого входа в пещеру.

Он сидел, обхватив колени руками, и с самым угрюмым видом смотрел куда-то вдаль.

Линьэру вспомнилось их первое знакомство. Тогда, устав от бесконечного детского плача, Сунь Цинфэн точно так же сбегал на крышу их каменной хижины. Линьэр метался по округе, решив, что его бросили, и ревел навзрыд. А найдя беглеца, долго размазывал слезы по щекам, клятвенно обещая больше не плакать, лишь бы тот не уходил. С тех пор повелось: стоило Сунь Цинфэну загрустить, как он тут же карабкался повыше. Сперва на крышу, потом на ветви персикового дерева... Того и гляди, скоро до облаков доберется.

Чем выше забирался его названный брат, тем тяжелее была ноша у него на сердце. Не зная, как унять эту невысказанную печаль, Линьэр решил подурочиться. Он принялся скакать под деревом, размахивая руками:

— Братец! Спускайся обедать! Все остынет!

Тот лишь скользнул по нему хмурым взглядом и отвернулся.

— Братец, ну похвастайся добычей! Неужто промахнулся? Да ладно тебе, вылезай, я обещаю не смеяться!

Сунь Цинфэн упрямо молчал.

— Я сегодня сам всё сделаю! И обед сварю, и посуду помою, и дров наколю, и воды принесу! Пойдем домой! — И с этими словами он с размаху повалился на траву и покатился по земле, дурачась как малое дитя.

Наблюдать за этим представлением без улыбки было невозможно. Сунь Цинфэн шумно вздохнул и легко соскочил вниз, подняв облако сухой хвои. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны сосен, рассыпаясь золотыми искрами в глазах смеющегося мальчика.

— Идем, горе ты мое, — Сунь Цинфэн осторожно смахнул прилипшую к его лбу сосновую иголку. В руке он держал уже освежеванную кроличью тушку. Свободной ладонью он бережно поднял Линьэра с земли, приобнял за плечи, и они не спеша зашагали к пещере.

Ночью Линьэр долго ворочался с боку на бок. Прислушиваясь к прерывистому дыханию Сунь Цинфэна, он понял, что тот тоже не спит.

— Братец, тебя что-то гложет? — негромко спросил он в темноту.

— Спи давай, — донесся глухой ответ.

— Это из-за меня, да?

— Отстань.

Линьэр придвинулся ближе, обнял его со спины и уткнулся носом в лопатки:

— Пожалуйста, не оставляй меня.

Сунь Цинфэн открыл глаза. Глядя на залитую лунным светом стену, он едва слышно прошептал:

— Я не смог сберечь тебя.

Линьэр замер. Оказывается, грозный воин терзал себя чувством вины.

— Ну что за глупости? Я ведь жив-здоров!

— С тех самых пор, как мы встретились, мы только и делаем, что бежим, — с горечью выдохнул Сунь Цинфэн. — Все эти годы ты то и дело болеешь или ранен. Будь твой отец жив, он бы мне голову с плеч снес за такую заботу.

— Это моя вина. Если бы я согласился пить человеческую кровь, ты бы не растратил все силы, защищая меня. Будь я способнее, стал бы настоящим главой культа, и нам бы не пришлось прятаться по норам. Но ты никогда не неволил меня, берёг мою душу. Кто еще на всем белом свете стал бы так со мной возиться? Отец и матушка на небесах молят богов за тебя. Они пошлют тебе тысячу лет жизни.

Сунь Цинфэн невольно усмехнулся, и тяжесть на его сердце немного отступила.

— Не надо мне благодарностей. Лишь бы не проклинали.

— Да за что им тебя проклинать? К тому же ты ведь Великий генерал Небесной стратегии! Негоже тебе робеть перед духами.

— Глупый ты еще... Ай, ладно, спи давай. Хватит болтать.

Линьэр нащупал в темноте его руку, а затем, изловчившись, быстро чмокнул его в мочку уха.

— Не грусти, братец. Завтра научишь меня стрелять из лука. Отныне я сам буду охотиться, готовить и стирать. Буду оберегать тебя, а ты сиди себе дома да вышивай шелком, — весело хихикнул он.

— А ну спать, не то взгрею, — беззлобно пригрозил Сунь Цинфэн.

Кое-как утихомирив мальчика, он долго лежал без сна, слушая его мерное сопение. За свои два века Сунь Цинфэн повидал немало горя. Жизнь его была полна сражений и потерь, и лишь последние десять лет принесли ему истинный покой и радость. Какая бы кручина ни одолевала его, стоило лишь перекинуться парой слов с этим несносным мальчишкой, как все беды отступали. Линьэр не хватал звезд с неба, не обладал великим талантом или писаной красотой. Был он неказист и прост, но в нем все находилось в идеальном равновесии — ни убавить, ни прибавить. Он стал для израненной души Сунь Цинфэна единственным спасительным лекарством.

"Пусть в пучину бездонного ада суждено низвергнуться мне одному. Я не потащу его за собой"

Сунь Цинфэн принял решение. Он дождетя, пока Линьэр освоит двадцатый прием Техники ладони Золотой тени. Как только у мальчика появится надежная защита, он тайно покинет гору, чтобы отыскать последнюю деталь для Построения Покорности демонов — Знамя призыва Инь-Ян.

Праздники миновали, Павильон Вопросания Дао вновь распахнул свои двери, и жизнь вошла в привычное русло. Днем Линьэр прилежно читал сутры и упражнялся с мечом, пока Сунь Цинфэн возился у очага. А по вечерам, стоило им вернуться в свою уединенную обитель, они словно сбрасывали с себя тяжкие оковы. Смеясь, уходили в лесную глушь на охоту, чтобы

устроить себе пиршество у костра.

Зима окончательно уступила права весне, дни становились длиннее, а ночи — теплее. Однажды вечером небо окрасилось в багровые и золотые тона, а над далекими пиками раскинулась яркая радуга.

Сунь Цинфэн стоял позади Линьэра, направляя его руку. Он учил его правильно держать лук, ловить дыхание и целиться:

— Стрела летит не по прямой. Она описывает дугу, поэтому целься чуть выше, бери поправку на расстояние.

— На сколько выше? — сощурился мальчик.

— В бою нет застывших правил. Всё зависит от расстояния. Сначала полагайся на зрение, потом придет опыт. Но главное — чувствуй цель сердцем.

Тетива звеняще запела. Выпущенная стрела сбила пичугу на лету. Сунь Цинфэн поднял трофей и одобритительно кивнул:

— Недурно.

Линьэр едва не взвыл от досады:

— Да что тут хорошего?! Прекрати надо мной насмехаться, я же в зайца целился!

Сунь Цинфэн прыснул со смеху и шутливо поднял большой палец:

— Военная хитрость! Отвлек внимание и поразил неожиданную цель. Быстро учишься, хвалю.

— Ну погоди, я тебе сегодня точно добуду зайца! — вскипел Линьэр. Схватив три стрелы, он поудобнее перехватил лук и с головой кинулся в заросли на поиски упрямого косоного.

Сунь Цинфэн лишь крикнул ему вслед, чтобы тот возвращался дотемна, и побрел своей дорогой. Вскоре он уже нес к пещере жирную дичь, чтобы развести костер.

Сумерки медленно опускались на горы, укутывая лес сизым туманом. Одержимый желанием доказать свою правоту, Линьэр убежал далеко от обители. Серый заяц ловко петлял среди густого кустарника и ярких весенних цветов. Линьэр преследовал его до тех пор, пока у него в глазах не заребило. Из трех взятых с собой стрел две он уже растратил впустую — они улетели глубоко в чащу, даже кору на деревьях не задев. Мальчик злился на себя всё сильнее, даже не

пытаясь их разыскивать.

Наконец серый беглец выбился из сил и юркнул в узкую расщелину между двумя огромными валунами. Почувствовав добычу, Линьэр мгновенно опустился на одно колено, натянул тетиву до самого уха и, поймав в прицел дрожащий заячий хвост, спустил последнюю стрелу.

Свист! Стрела вонзилась в землю в паре дюймов от цели, уйдя в мягкую грязь на пол-локтя. Испуганный зверь рванулся в сторону и в мгновение ока растворился в сумерках. Совсем пав духом, мальчик поднялся с колен. С досады он даже не стал вытаскивать стрелу из земли и, понуриив голову, поплелся назад.

— А-а-ах!..

И вдруг тишину разорвал полный муки крик. Линьэр вздрогнул. Увлечшись погоней, он незаметно спустился к самому склону и не ожидал встретить здесь живую душу. Бросившись обратно к валунам, он обогнул их и застыл как вкопанный.

На залитой кровью траве лежал Чжу Хуань. Из его груди торчало бамбуковое древко стрелы — той самой, которую сегодня утром строгал Сунь Цинфэн.

Линьэр в ужасе упал перед ним на колени, не зная, за что ухватиться:

— Чжу Хуань! Ты... как ты здесь оказался? Моя стрела ушла в землю перед камнями, я не мог в тебя попасть! Откуда это?!

Лицо раненого отливало мертвенной синевой, грудь ходила ходуном. Увидев Линьэра, он мертвой хваткой вцепился в его рукав. Его угасающий взор сфокусировался на его настоящем лице, лишенном маскировки:

— Значит, ты... кха... правда... Я... умираю...

— Молчи, не трать силы! Я сейчас приведу подмогу! Жди здесь, я мигом позову старшего брата!

Чжу Хуань дернулся, из последних сил удерживая его за одежду. Кровь уже вовсю струилась из его носа и ушей, окрашивая щеки багровыми дорожками. Горло клокотало, захлебываясь багрянцем:

— Я... я уже подал знак... Цзияосы... Беги... Нет! Не пушу!..

Глядя на то, как жизнь стремительно покидает тело Чжу Хуаня, Линьэр чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он осторожно прижал ладонь к его холодеющему плечу:

— Скажи, кто это сделал? Кто в тебя выстрелил?

Чжу Хуань зашелся в мучительном кашле, выплевывая кровь:

— Мне... снилось... это лицо... Ты... демон!..

"Как он мог увидеть во сне мое настоящее лицо?"

Цзинь Линьэру не давал покоя этот вопрос, но времени на раздумья не оставалось, и он заговорил быстро, глотая слова:

— Я не демон, слышишь? Меня зовут Цзинь Линьэр. Мой отец — Чжао Шо, глава культа Золотого света. Когда Альянс уничтожил нашу обитель на Белом море, защитник вытащил меня из огня и привел сюда. Моя мама, Сюэ Линъюнь — дочь нашего Главы школы. Ты всегда был способнее меня, Чжу Хуань! Меня взяли в прямые ученики только потому, что Глава школы — мой родной дедушка! Пожалуйста, держись, не умирай! Хочешь, я отдам тебе свое место? Только живи!

Чжу Хуань хрипел, чувствуя, как ледяной холод подбирается к сердцу. Последним усилием он выдавил:

— Но ты... пьешь кровь!..

— Это из-за Божественного искусства Золотого облика! Без крови его не освоить... Потому наш культ и прозвали дьявольским, потому император и послал войска на штурм. Но я клянусь тебе, я пил только кровь птиц и зверей! За все пять лет после гибели отца я ни разу не причинил вреда человеку! Я никогда не желал тебе зла и уж точно не стал бы убивать!

— Я... не хотел... обижать тебя... Я просто...

Лицо Чжу Хуаня застыло. Он оцепенел, потрясенно глядя на Цзинь Линьэра. Раненый внезапно ощутил безграничный, дикий ужас. Он смотрел сквозь Линьэра, словно за его спиной выросла сама смерть.

Схватив Линьэра за воротник, он судорожно затряс его, пытаясь что-то сказать, но из пробитого горла доносился лишь свистящий хрип:

— Старший... брат... Он...

— Старший брат давно обо всем знает! — горячо зашептал Линьэр. — Он защищал меня, потому и уводил тебя по ложному следу! Ты хочешь передать ему что-то?

— Старший... брат... — Чжу Хуань обмяк, его веки медленно опустились, а пальцы безжизненно соскользнули с одежды Линьэра.

Он затих навсегда.

<http://bllate.org/book/18425/1864914>